

ЗАКЛИНАНИЕ

*Не плачьте обо мне — я проживу
счастливой нищей, доброй каторжанкой,
озябшею на севере южанкой,
чахоточной да злой петербуржанкой
на малярском юге проживу.*

*Не плачьте обо мне — я проживу
той хромоножкой, вышедшей на паперть,
тем пьяницей, поникнувшим на скатерть,
и этим, что малюет Божью Матерь,
убогим богомазом проживу.*

*Не плачьте обо мне — я проживу
той грамоте наученной девчонкой,
которая в грядущести нечёткой
мои стихи, моей рыжея чёлкой,
как дура будет знать. Я проживу.*

*Не плачьте обо мне — я проживу
сестры помилосердней милосердной,
в военной бесшабашности предсмертной,
да под звездой моею и пресветлой
уж как-нибудь, а всё ж я проживу.*

ГЛАВА 1.

«ДО-ЖИЗНЬ»

В конце восьмидесятых, как обычно в межсезонье, Ахмадулина приехала в Репино, в Дом творчества композиторов. Вообще, сам по себе новояз — «дом творчества» — вызывал у нее насмешку. В «Снегопаде» не совсем в гармонии с лирической приподнятостью текста назвала его даже «дикой кличкой». Но если к литературским домам относилась не слишком приязненно, то композиторскому Репину благоволила. Может, потому что тут ей писалось. Несколько лет подряд по два-три непогожих месяца проводила на берегу Финского залива.

Ей всегда было сложно сходу отойти от московской турбулентности, взбудораженности встреч, поздних божественных вечеринок, пылких общений с друзьями. Тишина в природе, непривычно размеренный распорядок дня не сразу вытесняли накопившуюся наэлектризованность. Душевного лада, равновесия, без которых никогда не могла сесть к столу, приходилось смиренно подождать. Но в этот раз что-то пошло не так... Ожидание затягивалось. Чем дольше не объявлялось вдохновение, тем сильнее Ахмадулина нервничала, сердилась, мрачнела. И — замкнутый круг — чем глубже погружалась в безнадежность, тем тотальней ощущала, что нет, не может работать. В такие минуты она с отчаянием хваталась за альтернативный способ спасения. Хотя о каком спасении речь, если день напролет готова была чудить с воспетым позднее (хвала альтернативе!) репинским разнорабочим Корытовым:

*С Корытовым нас коротко свело
родство и сходство наших рукоделий,*

*и без утайки, каждый про своё
мы толковали на задах котельной.*

В тогда еще Ленинграде Ахмадулину опекала ее близкий друг — Жанна Андреева, преподаватель словесности в педагогическом колледже. Она, собственно, и поведала нам про запойного Кобытова, про то, как ей никак не удавалось вывести Беллу из погруженности в черноту. На уговоры: «Белла Ахатовна, ну зачем вы себя разрушаете?», слышала угрюмое: «А что делать, когда не пишется? Только пить остается». При том что происходившее не зависело от количества выпитого. И выпито-то было чуть-чуть. Но проливалось оно на измученную почву.

К концу недели в полном смятении Жанна придумала. Попросила пять своих лучших учениц, которых непременно водила на все питерские ахмадулинские вечера, купить разноцветную охпку воздушных шаров, наполненных гелием. Вместе отправились в Репино. Жанна сошла в центре, а ученицы проехали на автобусе еще две остановки. Проинструктированные, они приблизительно знали, в какое время Ахмадулина выходит к заливу, и поклялись не проболтаться, кем сюда посланы. Когда уже затемно они вернулись к изнывающей от неизвестности Жанне Олеговне, вид у всех был виноватый, но — совершенно сияющий. Выяснилось, что Ахмадулина, увидев юную процессию с шарами, возликовала. Позвала смущенных девушек к себе, надарила подарков, и тут они раскололись. Правда, не до конца: «Жанна Олеговна, простите, мы не смогли скрыть, что ваши ученицы. Сказали: когда узнали от вас, что Ахмадулина в Репине, явились сюда сами, без вашего ведома». И не без хитрости: «Но мы ее так натурально просили, чтобы она нас вам не выдавала! Белла Ахатовна пообещала».

Летом 2010-го, умирая в Переделкине, Ахмадулина несколько раз вспоминала этот репинский день, загора-

лась и, обращаясь к Жанне, спрашивала: «Но вы же тем детям ничего не сделали?» То есть все-таки проговори-лась. Тогда, сразу — наутро — позвонив Жанне: «Вы можете приехать?». И — встретив: «Я прямо не знаю, как сказать. Только вы не ругайте их. Тут ваши девочки были. Они шли, и шары, и залив... Это какой-то Феллини».

Немота сдалась. Капитулировала перед впечатлением. Неужели это химия обожаемого Ахмадулиной Федерико Феллини? Вдруг всплывший перед глазами трогательный клоун с разрисованными шарами из «Сладкой жизни»? Чары музыки Нино Рота? Загадочная вещь — воображение художника. Но, в сущности, и без Феллини воздушные шары всегда волновали Ахмадулину. С детства. Намертво запомнила продавца шаров, стоявшего после войны перед Большим театром, куда ходила с бабушкой, назвала того продавца в предисловии к худлитовскому сборнику «Стихотворения» владельцем и укротителем грозди вожделенных своевольных сокровищ: «...во-он, упущенный мной (или отпущенный?), в синеве неба... <...> Безутешность потери и прибыль: счастье его, шара, свободы. Воздушные шары — до сих пор предмет моего обожания». И дальше: «...своевольная одушевленность стремится прочь, учит руки — не владеть, отпустить».

Рядом с прозвучавшим в шестидесятые чарующе неправильным и точным: «Я думала: как быстро я стою!» из «Озноба» (так формы неправильных английских глаголов на самом деле подчиняются не стихии, а логике) тоже шар, ускользающий, разматывающий ниточку с пальца. Речь вроде о неизлечимой болезни творчества, но не древняя ли «до-жизнь в колыбели», которую, как утверждала Ахмадулина, она не узнавала из книг, а будто вспоминала, оставила свои отпечатки?

В предгорьях Ломбардских Альп в маленьком Комо, недалеко от сверкающего озера, мы отыскивали улочку Ан-

тонио Стоппани, о которой лет семь назад у себя дома в Лозанне нам говорил Азарий Плисецкий. В 1998-м, взяв по случаю приезда Беллы «отгулы» в школе Мориса Бежара, он повез ее в короткое путешествие по Италии. К тому времени Ахмадулина уже не раз бывала в не чужой ей стране, однако Азарию нечаянно удалось сделать двоюродной невестке сюрприз. Серая табличка на углу: «VIA ANTONIO STOPPANI» обрадовала Беллу, и, смеющаяся, она снялась на ее фоне.

Ну что стоило Азарию тогда порасспросить Беллу! В семье все знали, что по материнской линии в ней течет (порой закипает!) итальянская кровь, что в девичестве бабушка Надежда Митрофановна носила фамилию Стопани, что в Москве, кажется, еще живы родственники с этой фамилией, но Белла с ними практически утратила связь. Написавшей в 1963 году «Мою родословную» и, как от Рождества Христова, отсчитывавшей свои итальянские хроники от зачем-то появившегося в российском селе шарманщика, что все-таки подлинно ей было известно — туда, вглубь, к более спутанным апеннинским корням? Кто ей этот чистокровный италиец Антонио Стоппани — куда более именитый, чем советский большевик-полукровка Александр Стопани, захороненный в Кремлевской стене, человек, которого в семейном кругу Белла по-домашнему называла дедушкой?

Вероятно, отыщи Белла с Азарием в беззаботном цейтноте поездки зазор, чтобы не торопясь порассуждать о разных Стопани, обнаружилось бы, что об этом — Антонио — они оба в лучшем случае имеют скудные сведения. Хотя... Троюродный брат Ахмадулиной, морской офицер Георгий Стопани — последний в России носитель фамилии (не считать же «оригинальной» Стопани его недолгую вторую жену Зайтуну) — изучал историю семьи и пришел к мысли, что русская ветвь отпочковалась от древ-

него итальянского рода, упоминавшегося еще в 1290 году. По его убеждению, крупный богослов и ученый Антонио Стоппани — один из представителей этой династии. Как бы ни оборвала Ахмадулина с середины семидесятых контакты с дальней родней, с Георгием, сильно поддержавшим ее после развода с Евтушенко, она встречалась. Так что о Гогиных изысканиях вполне могла быть наслышана.

В Комо из следов Антонио Стоппани мы обнаружили лишь название узкой улочки. Главные сосредоточены в Милане и его окрестностях: в курортном Лекко, где Антонио родился, ему поставлен памятник с надписью *Abate Antonio Stoppani*. Внушительным задником служат Бергамские Альпы. Неподалеку, в Эзино-Ларио, перед церковью *San Giovanni* — мемориальная доска. На ней, насколько мы сумели разобрать с помощью Google-переводчика, написано о научных заслугах Стоппани, хотя это не отменяет католической шапочки. Если повезет с гидом, в Миланском музее естественной истории (у фасада стоит еще один памятник Стоппани, последние девять лет жизни он по совместительству служил тут директором) вы услышите едва ли не панегирик неформатному духовному лицу, чьим именем в честь гляциологических заслуг назван ледник, сползающий с хребта Кордильера-Дарвин на Огненной Земле, а в знак признания палеонтологических — целых пять доисторических улиток. *Fedaiella fastosa Stoppani*. И еще четыре такие же фамильные старушечки. При желании на коллекцию можно взглянуть. Наградой за терпение станет литературно-гастрономический сюжет: воодушевленный научно-популярной книгой Стоппани о природе, географии и геологии Италии — *Bel Paese* («Прекрасная страна»), сыровар Эджилио Гальбани решил назвать *Bel Paese* созданный им в 1906 году полутвердый сыр, чья аутентичность до последнего времени подтверждалась изображением «сапожка» и портретом

Антонио Стоппани. Сам же триггер-бестселлер выдержал больше ста изданий и по продажам конкурировал с «Приключениями Пиноккио» Карло Коллоди...

Нам все больше нравился этот разносторонний священник и все сильнее хотелось, чтобы с Беллой его связывали какие-то нити. И здесь мы узнали про шары. Про тринадцать наполненных горячим воздухом шаров, которые взлетели в небо из осажденного австрийцами Милана. Это только что возведенный в сан молодой Антонио Стоппани сообразил, как наладить связь со сторонниками восставших, подтянуть силы к мятежному городу. Человек, об участии которого в исторических «Пяти днях Милана» с 1848 года не забывают соотечественники, был не просто патриотом — замечательным выдумщиком! Какие у Георгия Стоппани существовали основания для по-военному твердого вывода об общем генеалогическом древе, уже не спросишь — он умер за год до ухода Беллы. Но отчего не предположить, что есть некий потаенный генетический код, который, словно слабый мерцающий пульс, пробивается и нащупывается через столетия? По крайней мере, сама Ахмадулина в это верила. И процитированная «древняя до-жизнь» фигурирует не только в «Бабушке», в «Моей родословной» тоже. А коли так, не миланский ли след это ее про шары: «помешана была».

Дав преподобному Стоппани шанс быть как-то причастным к российской версии рода, потерявшего на наших просторах одну букву «п», логично заключить: Мария Монтессори — из того же гнезда. В русских источниках ее иногда называют племянницей Антонио, но, похоже, правы английские, и Мария ему great-niece — тоже племянница, но внучатая. В любом случае по матери, происходившей из старинных Стоппани, Антонио и смышленная девочка, с которой, бывая в доме, он охотно беседовал, — кровная родня (тут без вопросов). Сегодня мало кому

надо объяснять, каким большим человеком выросла эта племянница. Жена Тонино Гуэрры Лора припомнила, что до введения евро на банкноте в 1000 лир был напечатан крупный Мариин портрет. Ох уж эти итальянцы с их страстью изображать Стоппани на самых разных бумагах!

В штаб-квартире Теософского общества, расположенной на берегу Индийского океана вблизи Мадраса, нам показали марку, которая была выпущена в 1970 году — к столетию доктора Монтессори. Говорят, еще в нескольких странах существуют такие филателистические знаки признания, — не видели. Но на этой — с надписью на хинди — у Марии есть сходство с брахманкой. Полет фантазии местного художника? Или, приехав в Адыяр по приглашению Теософского общества и прожив на Востоке семь лет, открыв здесь свою школу, шлифуя получивший мировое признание «метод Монтессори», она и правда не могла не впитать особые индийские соки? Мощную культуру, побудившую английского индолога Артура Бэшема назвать монографию, ставшую для поколений настольной книгой, «Чудо, которым была Индия». Очевидно, «впитывающий разум» — едва ли не определяющая, по мнению Монтессори, особенность мышления маленьких детей, сохраняется у отмеченных Богом взрослых. Что до младенчества (этот период в последние годы Мария пристально и пристрастно изучала), то ее ученый вердикт об ошеломляющем потенциале раннего возраста созвучен очень личным ахмадулинским мыслям о нем.

В заброшенных, к сожалению, дневниках, которые в 1962-м, живя с Юрием Нагибиным в Красной Пахре, Белла, в чем-то подражая мужу, вела относительно регулярно и на которые среди кучи ее неразобранных бумаг мы натолкнулись в Российском государственном архиве литературы и искусства, она записала: «Только мое раннее детство близко и интересно мне: в нем я была то, что

теперь есть. Юность же вся ушла на менструации и на чтение плохой литературы. К своей и чужой юности я отношусь со скукой и брезгливо. Человек дважды живет в своем образе: в детстве и в зрелости». Пройдет больше полувека, и она скажет нам: «Первые мои годы я проживала в доме, где без конца арестовывали людей. А мне велели играть в песочек. Я не могла знать, не могла понимать, что происходит, но некий след во мне остался. Даже неграмотный, не очень тонкий слух ребенка многое улавливает. Я была беспечной, благополучной девочкой, однако ощущение зловещей сени несомненно присутствовало». Впитывающий разум, одно из таинственных проявлений гениальности раннего возраста? Не случайно у Ахматовой о Пастернаке: «Он награжден каким-то вечным детством». Уж Анна Андреевна понимала, на какой не поскупилась комплимент. Феномен младенческой одаренности вообще волновал больших поэтов. Не ради же автобиографической точности в «Людах и положениях» сам Пастернак с сердечным замиранием возвращается к вспышкам впечатлений младенчества, так (со значением) и озаглавив начальную главу: «Младенчество». И разве не гениальность в первую очередь имели в виду итальянцы, называя великого Тонино Гуэрру, поэта, художника, автора сотни сценариев к фильмам Феллини, Антониони, Де Сики, да всего иконостаса блистательного кинематографа неореализма, «главным ребенком Италии»? Естественно, Ахмадулина с ее всегдашней очарованностью чужим талантом, соприкоснувшись с Тонино в московской компании, сблизилась с ним, считавшим себя, между прочим, на протяжении лет Беллиным послом в Италии. И шутившим, что всегда мысленно поглаживает внутри себя тот факт, что ее прапрадед был Стоппани, итальянец...

До невидимки-прапрадеда мы еще доберемся, а вот насчет Марии Монтессори из плоти и крови, увы, нет

«окончательной бумажки», способной подтвердить или опровергнуть ее причастность какой-то коленкой к российским Стопани. И дело тут не в ней. А в отсутствии «бумажки» как раз у ахмадулинского прапрадеда. Уж больно неисповедимым путем он очутился в России. Впрочем, у Марии Монтессори существовала своя тайна. В ее молодости для девушки (даже из аристократических кругов) учеба на врача была несбыточна. Только эксклюзивные способности, вызывающая симпатию дерзость, ну и без связей семьи Монтессори-Стопани не обошлось (не забывайте про аббата Антонио), повлияли на высочайшее согласие папы Льва XIII. А дальше — занятия в медицинской школе Римского университета, работа в клинике, любовь, безоглядный роман и запрет матери коллеги на брак сына с женщиной-доктором, изучавшей в прозекторской голых, пусть и мертвых, мужчин. Внебрачного ребенка Мария отдала на воспитание, но, по-видимому испытывая вину, вернула себе. Вопреки «добродетельным» разнотолкам сын вырос другим, единомышленником, возглавившим Международную Монтессори-ассоциацию. И еще стал сатисфакцией! Ведь горечь привкуса, что в глазах чопорного католического общества при всей своей независимости она продолжает слыть согрешившей матерью-одиночкой, вполне вероятно, оставалась до поры «комплексом» незамужней Марии.

Прихотливая штука — ассоциативная связь. Когда зимой, уже погрузившись в работу над книгой, мы бродили по оранжевым, шуршащим дорожкам индийского Кхаджурахо, сквозь тишину раннего утра в ушах пробивалось не что-либо уместно-местное, а потрясающая ахмадулинская осанна любви из «Моей родословной»:

Ах, итальянка, девочка, пра-пра-прабабушка! Неправедны, да правы поправшие все правила добра, любви твоей проступки и забавы.

Как-то очень впопад было здесь это признание неоспоримой правоты любви. Здесь, в некогда заброшенной деревне центральной Индии, где сотни веков живет легенда о девушке знатного рода, которая, купаясь ночью в озере, встретила бога Луны. Родился мальчик, и чтобы спрятаться от сплетен, древнеиндийская мать-одиночка вырастила его в джунглях. Повзрослевшему сыну она явилась во сне и попросила восстановить ее честь. Тот исполнил материнскую волю — построил в Кхаджурахо восемьдесят пять изумительных храмов, посвященных любви. Многие индуистские святыни коробят приезжих пуристов полным отрицанием аскетизма, изображением майтхуны — любовных игр, откровенными эротическими сценами. Но такого безоглядного накала страсти, такой дерзости и раскованности каменных влюбленных, как в Кхаджурахо, пожалуй, не знает мировая скульптура.

Однажды в разговоре с Ахмадулиной упомянули, что несколько лет работали в Индии, зашла речь о Кхаджурахо, она с любопытством слушала, в конце проронила: «Жаль, я там уже не побываю». Огорчилась, что не увидит шедевры, над которыми под пылающим солнцем корпели старые мастера, шлифуя бесформенные камни? Не сказала... Но, хорошо помним, прозвучало: «Величие замысла». Прочитировала Бродского. В который раз поразила мгновенная точность реакции. Чуть позже пришло осознание: ею давно выношена та же гуманная мысль, что заложена в «концепции» храмов Кхаджурахо: любовь — законная она или нет — всегда прекрасна и безгреховна.

Раскручивая двухвековую авантюрную историю собственного прибытия на свет, Ахмадулина в «Родословной» игрива по отношению к главной виновнице последовавшей череды приключений. Прелестная девочка-итальянка, «два локотка, два крылышка прозрачных», готовая слететь навстречу любви с отчего крыльца,

невзирая на родительские тумачи, не вызывает у нее неодобрения: «...он — так глуп, так мил и так усат», а притворное опасение, что девушка целомудренно устоит: «И всё. Привет. Не быть мне ни-ко-гда», рассеявшись, сменяется дифирамбом:

*Благословляю в райском том саду
и дерева, и яблоки, и змия,
и ту беду, Бог весть в каком году,
и грешницу по имени Мария.*

*Да здравствует твой слабый, чистый след
И дальновидный подвиг той ошибки!*

Имя «Мария», полагаем, позаимствовано из Библии. Не у Марии же Монтессори. При том что в 1963-м, когда в СССР эта громкая педагогическая фамилия умышленно (чай, не Крупская) не упоминалась и была известна в самых узких кругах, Белла, не исключено, о ней слышала — нагибинский дом являл собой самый что ни на есть «узкий круг», могла даже отыскать в редчайшей библиотеке мужа ссылки на биографию Монтессори, цепко отреагировать на девичью фамилию ее матери: Стоппани. Всё это предположения. Как невозможно сегодня полностью верифицировать и то, что Белла, подобно ее любознательному троюродному брату Георгию, почерпнула из семейных преданий. Однако по большому счету не так уж важно совпадение имен и наличие «высокого живота» у обеих Марий, обеих — причастных к Стоппани. Главное, что Белла не прозевала вольный, как шары, фамильный ген. Весело отрекшись в «Родословной» от всякого ханжества:

*...а пред концом — воздам благодаренье
всем девочкам, летающим с крыльца,
всем людям, совершающим творенье.*

И правда, всем им спасибо! Но Марии за Ахмадулину — отдельное.

ГЛАВА 2.

«СА-А-НТА-А ЛЮ-У-ЧИЯ...»

А был ли шарманщик? Точнее, был ли шарманщиком? Плод любви беспечной Беллиной прапрапрабабки... «Милая Генуя / нянчила мальчика, / думала — гения, / вышло — шарманщика!» Ахмадулина неизменно держалась этого варианта, да и вариантом его не стоило бы называть (как говорится, «без вариантов»), если бы своей троюродной сестре Ольге Степановой, позвонившей поздравить Беллу с семидесятилетием, она не сказала некую уклончивую фразу. Наверное, Ольге Борисовне в тот день не стоило спрашивать Ахмадулину: «Белла, откуда у тебя информация о шарманщике? Наша мама (дочь революционера А. М. Стопани. — *Авт.*) ничего такого не рассказывала». Но уж очень занимал ее этот вопрос, а тут представился хороший повод позвонить и невзначай поинтересоваться. Увы, то ли у Ахмадулиной после торжеств было неподходящее настроение, то ли неважно себя чувствовала (в чем призналась), факт остается фактом: она не захотела, как сказала нам по другому поводу, «вступать ни в какие даже помыслы» и ответила сухо: «Я имею право на поэтическое измышление». Так, по крайней мере, это звучит в пересказе Ольги Борисовны. Ее и сестру Наталью скупая фраза Беллы нет, не до конца, но все же укрепила в давней скептической точке зрения: неправдоподобно, чтобы в дворянскую семью затесался бродяга-шарманщик. И еще в том, что Белле, с детства фантазерке, нищий шарманщик с обезьяной понадобился для эффекта.

Мама Ольги и Натальи — Нина Александровна Степанова работала в Центральном музее В. И. Ленина, до персональной пенсии заведовала отделом фондов. Дружила с женой Климента Ворошилова, Екатериной Давидовной — заместителем директора музея, гостила с детьми у нее на даче. Не то что бы Нина обрывала дочек, когда те расспрашивали о прошлом семьи, просто не принято было в родословную углубляться. Детей и так во дворе Дома на набережной обзывали «дворняжками». Не за беспородность дразнили — за то, что из дворян. Никто из взрослых, ясно, благородное происхождение не выпячивал, но до соседских детских ушей, видимо, доносились обрывки родительских пересудов о том, что большевик Александр Митрофанович Стопани — не пролетарских кровей. Так к чему вдобавок раскапывать обветшавшие итальянские склепы?

Курьезно, но именно советской осторожностью вдова Георгия Стопани — Зайтуна — пыталась объяснить нам ввод в «Мою родословную» образа шарманщика. Вроде как зачем Ахмадулиной в шестидесятые годы в биографии родственники-аристократы? Итальянский бедняк — другое дело, куда правильной... Такое вот практическое литературоведение. Практичное. Но, как и всякое литературоведение, противостоит Белле.

И все-таки — был ли шарманщик? Что означают слова Ахмадулиной о «поэтическом измышлении»? Скорей всего, не то, что первым приходит в голову. Невозможно представить, что в «Моей родословной», в чудесном автобиографическом рассказе «Бабушка», разных интервью, дома с дочерьми, в общении с любимыми друзьями, особой строкой — с итальянцем-итальянцем Тонино Гуэррой, которому никогда не надоедало слушать о Беллином прапрадеде — невозможно представить, что Ахмадулина годами всем морочила голову и «подделывала» свою био-

графию. А главное: хотя первый не эфемерный, «задокументированный» ахмадулинский предок — Митрофан Иванович Стопани, а не его таинственный итальянец-отец, ни с того ни с сего заявившийся в озябшее российское село, Ахмадулина, полусхотливо рассказывая о нем, моментами столь серьезно точна в датах, что исчезают сомнения в непридуманности «шута итальянского». Прежде, читая поэму, не обращали внимания на изящные вкрапления авторской арифметики. Но поработав в Российском государственном военно-историческом архиве, где отыскалось дело военного врача Митрофана Стопани, занялись своей «сверкой» и изумились: откуда у Ахмадулиной это знание? Она-то не сидела в архиве. Не расписывалась на стареньком формуляре...

От мамы, внучки Митрофана? Разве что какие-то крохи. Дед умер задолго до ее рождения. А в биографии своей матери — Беллиной бабушки — Надежду Макаровну больше интересовало революционное прошлое. Подобно Нине Стопани, она была правильным в классовом отношении человеком и, как та, сильно занята по службе. Что там варилось в глубине веков, ее не слишком занимало. Да и по характеру работы, думаем, исповедовала принцип: меньше знаешь — крепче спишь. Поэтому, уходя из дома, просила остававшуюся с Беллой бабушку развлечь ребенка самым захватывающим сюжетом: «Расскажи Белочке про Ленина». Облом: постаревшая Наденька, Надежда Митрофановна, на рубеже веков — пылкая бунтарка, разочаровалась в революции. «Поняла, что не за то боролась. Пришли-то другие...» — вздохнула при встрече с нами Наталья Борисовна.

Способными затронуть чувствительные струны Белочки бабушка справедливо считала иные фабулы. «Рассказы о Ленине» ей как-то не удавались. По словам Ахмадулиной, Надежда Митрофановна была с ним зна-

кома. Но при этом терпеть его не могла: «В памяти остались обрывки истории о какой-то маевке. Почему-то бабушка в гимназической форме вместе с Лениным переплывала Волгу. И он, сам ссыльный, все время кричал на еще одного человека в лодке: "Гребец, греб!" Бабушку удивляло, что Ленин сердился, а не пытался помочь. Я не очень понимала, что такое "греб", но рассказ странным образом ужасал воображение». Этого «сюжета» маленькой девочке хватило, чтобы уже взрослой, заключая его, сказать нам: «Зачем я завела этот унылый разговор про Ленина? Не знаю. Мне противно вообще о нем даже думать».

Не будем противопоставлять неприязненной бабушкиной лениниане семейную сагу. Но, бесспорно, необычная история семьи, не слишком интересная большинству ее членов, бабушкой и внучкой живо и, полагаем, протяженно обсуждалась. Другой вопрос, как много знала Надежда Митрофановна. Это важный вопрос. Случайных фраз у Ахмадулиной не было, и, если она сказала о поэтическом измышлении, значит, каких-то фактов недосчиталась. Надя — младшая из семи детей Митрофана Стопани, в юности несла на себе отчетливую печать «итальянскости». Остальные братья и сестры, росшие в атмосфере русского помещичьего дворянства, по-разному. Но ни для кого в семье не было секретом, что отец Митрофана Ивановича — из иностранцев, хотя жена, Александра Дмитриевна, не любила говорить на эту тему, чего-то стеснялась. Вероятно, «скелетом в шкафу» являлся пресловутый шарманщик. Взрослея, дети в зависимости от темперамента расспрашивали о нем с неодинаковой степенью вовлеченности. Александр, будущий соратник Ленина, и выбравшая брата в кумиры Надя слыли правдолюбями. Впрочем, Митрофан Иванович, человек либеральный, широких взглядов, не делал тайны из своего рождения. Однако,

воспитанный в сиротском приюте, и сам имел пробелы в информации.

Было в бэкграунде семьи что-то очень романтическое и одновременно смущающее. Возможно, провинциальную помещицу Александру Дмитриевну Лахтину шокировало не только то, что ее в некотором роде свекор — бродяга, ловец счастья, зарабатывавший на жизнь игрой на, неловко сказать, шарманке, но и то, о чем Ахмадулина спустя годы написала: «Я думаю теперь — что привело его именно в эту страну мучиться, мерзнуть, уморить обезьяну, южной мрачностью дикого взора растлить невзрачную барышню, случайно родить сына Митрофана...» По поводу «растлить» и «случайно» в прозе, в поэме существует другая редакция:

*Меж тем шарманщик странно поражен
лицом рябым, косицею железной:
чуть голубой, как сабля из ножон,
дворяночкой худой и бесполезной.*

*Бедняжечка, она несла к венцу
лба узенького детскую прыщавость,
которая ей так была к лицу
и за которую ей всё прощалось.*

<...>

*Церквушкой бедной перекрещена,
упрощена полями да степями,
уже по-русски, ударяя в «а»,
звучит себе фамилия Стопани.*

Поскольку бабушка, из рассказов которой человек с шарманкой и обезьяной проник в творчество Ахмадулиной, не стояла со свечкой ни в церкви, где тот, возможно, благопристойно венчался, ни тем более в спальне, в которой бессовестно растлил прыщавую сельскую барышню, то и внучка немного плутает. Но, в сущности, нам-то что

от того, с благословения священника или без был зачат первый русский Стопани. Нам важно, что появилась Ахмадулина.

Как всякий поэт (импульсивно или осознанно), она в стихах являла читателю не совсем уловимое соотношение правды и вымысла. Несмотря на то что говорила: «Многие напускают туману: не помню, как написал... А я всегда знаю, каков был конкретный посыл пространства», она, будучи большим поэтом, в то же время сокровенно улавливала небесные звуки редкой частоты и чистоты. Хрестоматийное: «Мне с небес диктовали задачу...» Паря за письменным столом, Ахмадулина не удерживала воображение, но не зря ее дочь Елизавета Кулиева заметила, что у мамы, как ни парадоксально, был математический склад ума: логика и уважение к фактам не исчезали даже в моменты вдохновения, не пасовали под его напором. Сколь бы в «Родословной» Ахмадулина ни ощущала нехватку выверенной «фактуры», она не выдумала канву. Соотношение определенно сложилось в пользу правды, и если из-за белых пятен или просто потому, что поэт, она дала летучую свободу воображению, то — ура! Ведь и у Пушкина, ее бога, играло шампанское в крови. Как здорово сказала о нем: «Абсолютно свободный гений всего, да? И при этом изумительно стройный и строгий ум».

Кстати, о достоверности дат, про которую с удивлением упоминали. Лишь один пример, иллюстрирующий, что Ахмадулина не безалаберна в обращении с бабушкиным нематериальным багажом. Помните, она играет с читателем, дурачится, изображает испуг, умоляя не отпускать затосковавшего странника обратно в Италию, ведь тогда «...я рожусь вне родины родимой»? И — о, пронесло!

*...Итак, сто двадцать восемь лет назад
в России остается мой шарманщик.*

Откуда взялись эти, без запинки, сто двадцать восемь? Поэма написана в 1963 году. Отнимите сто двадцать восемь лет. Получается: тысяча восемьсот тридцать пять. Сегодня, из архивных документов, мы знаем: в 1835 году родился Митрофан Стопани. Очень похоже, что, работая в Красной Пахре над поэмой, Ахмадулина тоже (правильней сказать: мы — «тоже», а она — уже) это знала. Как предполагала и немного надеялась, что именно рождение сына заставило пришельца расстаться с мыслью о солнечной Италии, чей «властен зов соблазна», и остаться в России, где, по авторитетному мнению Лоры Гуэрры, «человек унижен уже климатом, от которого страдает тело».

Но ведь не на аркане заморского прапрадедушку когда-то сюда притащили. Чего ради он у нас оказался? «Уж я не знаю, что его влекло: / корысть, иль блажь, иль зов любви неблизкой...» Ахмадулина не знает. И, очевидно, никто из родных не знал. Но откуда-то Белла взяла насчет Генуи... Для рифмы с «гением»? Или «гений» хорошо рифмуется с «Генуей»? Какое слово здесь ключевое? В «милой Генуе» отыскался единственный человек с искомой фамилией — Domenico Giovanni Stoppani. Доменико был огорчен, что никаких сведений о русских потомках дать нам не может. Обещал сразу же сообщить, если что-то сумеет найти. Тосканец Ренато Стопани, автор книги об архитектуре Флоренции XI–XIII веков, тоже не смог ответить, был ли в роду кто-то, кто в прошлом отправился в Россию. Отец Ренато в два года стал сиротой, поэтому «семейные воспоминания полностью потеряны». Сам же писатель, по его признанию, никогда не пытался реконструировать события семьи. Жаль, он оказался из тех, кого отдаленные родственники интересуют меньше отдаленной истории.

Ладно... Решили наудачу обратиться в российский МИД: вдруг в его недрах найдутся упоминания о ком-ли-

бо из развилитого древа обрусевших Стопани, появится крошечная наводка? Надежда Михайловна Баринова, директор историко-документального департамента, взялась нам помочь. Недели через три снова созвонились, а следом из МИДа пришел официальный ответ: «К сожалению, исследование фондов Архива внешней политики Российской империи результатов не дало, каких-то документов о лицах, носящих фамилию Стопани, обнаружено не было».

Остаются версии. Как там в песенке шарманщика: «Ах, есть причина, / всему причина, / Са-а-нта-а Лю-у-чия, / Санта-а Люч-ия!» Лиза Кулиева вспомнила, что один раз на даче мама, в какой-то связи упомянув родню, задумчиво добавила, что предок-итальянец мог бежать в Россию по политическим мотивам. Мол, наследственность срезонировала через поколение: бабушка в молодости и ее революционный брат возроптали против царизма. Допустим... Но от кого за тридевять земель укрылся наш итальянец? Едва ли он был стар, покидая родину. Не тот азарт для подвигов, да и барышню на чужбине еще предстояло охмурить. Судя по ахмадулинским строкам о Марии на сносях, родился он где-то в 1787-м. «Вернется через полтора года лет / к моим губам прилив твоей улыбки». Ровно к 1937-му. Раз так, «бежать» он мог условно от Наполеона — к нему немало итальянцев постепенно охладели. В начале-то «итальянской кампании» 1796 года им, как описывает Стендаль в «Воспоминаниях о Наполеоне», дворянство и буржуазия восторгались, верили, что французы несут свободу. Двадцатилетний Наполеон, вступив в Милан, был реально растроган: «Крики "виват" сотрясали воздух, самые красивые женщины стояли у окон...» Однако лет через десять в Италии, часть которой стала провинцией Франции, а часть — вассальным королевством, уже разгоралось антифранцузское ос-

вободительное движение. Юный Беллин прапрадед мог быть — почему нет? — из тех партизан, «бандитов», с которыми Бонапарт предписал своему пасынку вице-королю Евгению Богарне покончить. Но эта гипотеза не кажется слишком убедительной. Хотя бы потому, что партизанское движение в массе своей было крестьянским, а Стоппани с их геральдическими аксессуарами к простолюдинам не принадлежали. Более логичным выглядит предположение, высказанное нам Ольгой Страда, дочерью известного слависта Витторио Страды, в течение нескольких лет возглавлявшей в Москве Итальянский институт культуры. По мнению Ольги, Стоппани, скорее всего, попал в Россию с армией Наполеона. А что? По возрасту самое то (в 1812-м ему лет двадцать пять), а поход с Великой армией сулил массу бонусов: от удовлетворенного честолюбия до соблазнительных приключений и наживы.

Как бы исподволь ни снижался рейтинг Бонапарта, для многих итальянцев он оставался предметом поклонения. В ранних письмах с театра военных действий в России соплеменники Стоппани называют поход «грандиозным», а главнокомандующего «самым великим генералом в мире». Его армия, как известно, лишь наполовину состояла из французов. В другой половине наемшаны были голландцы, португальцы, баварцы, испанцы, но нам интересней люди с Апеннин, их же, по некоторым подсчетам, в России оказалось приблизительно шестьдесят тысяч. Едва ли не десять процентов от численности войск под знаменами Наполеона. Итальянцев брали в элиту армии — императорскую гвардию, а что означала гвардия для Бонапарта, показывает небольшое описание вожденной стоянки в Смоленске после отхода из Москвы в книге Альберта Манфреда «Наполеон Бонапарт»: «...Смоленск обманул ожидания. Продовольственные склады были уже опустошены... Того, что оставалось

в городе, хватило лишь на старую и молодую гвардию; император заботился прежде всего о гвардии: в ней он видел единственную надежную силу».

Если версия об участии Стоппани в русском походе верна, то часть флера вокруг его фигуры рассеивается, освобождая место более-менее реальным очертаниям. Кошмар, постигший фартовую армию Наполеона, вполз в судьбу едва ли не каждого ее солдата и генерала. Что говорить о каком-то Стоппани, всего лишь шурупчике в огромной рассыпавшейся машине, если маршал Ней, во время спешного отступления французов поставленный Наполеоном во главе арьергарда — сдерживать натиск русских, оказался подмятым под ее обломками. Ровно через полгода после окрыляюще беспрепятственного перехода через Неман в прусском Гумбинене, куда докатились остатки армии, как пишет тот же Манфред, произошла сцена, о которой потом говорил весь Париж: «...в ресторан, где обедали французские старшие офицеры, вошел бродяга в рваной одежде, со спутанными волосами, с бородой, закрывшей лицо, грязный, страшный и, прежде чем его успели выбросить на мостовую, подняв руку, громогласно заявил: "Не торопитесь! Вы не узнаете меня, господа? Я — арьергард «великой армии». Я — Мишель Ней!"»

В толковом словаре Даля есть слова «шеромыга», «шеромыжник». Это шатун и плут, обирала, обманщик, промышляющий на чужой счет. И производный глагол: «шеромыжничать» — добывать даром, легкими средствами, выпрашивая. В скобках помета: шуточн. от *cher ami*. Историки вторят Владимиру Ивановичу Далю: не самое симпатичное и, казалось бы, очень русское словечко «шеромыжник» имеет французское происхождение и появилось в год лихорадочного бегства остатков Великой армии. Оголодавшие, продрогшие, изнуренные нескончаемыми

переходами, отвратительной водой, диареей, панически боявшиеся «злодеев-казаков, этого самого нечеловеческого рода войск в русской армии», как пожаловался в письме матери итальянский сержант, и преследуемые, беспощадно преследуемые Кутузовым мажорные покорители Европы бросали на разбитых российских дорогах раненых, пушки, повозки с награбленным, теряя заодно остатки духа и гордости. «Нас всех можно испугаться, — в ноябре 1812-го из Смоленска писал своей кузине графине Пьер Дарю Стендаль, тогда — военный интендант Анри Бейль. — Мы похожи на своих лакеев».

В той каше в нашем языке и родилось презрительное с оттенком жалости и ухмылки словцо «шеромыжник»: отставшие от своих, одичавшие и разбредшиеся по городам и весям завоеватели просились на постой, умоляли дать поесть, угодливо обращаясь к первым встречным русским: «*Сher ami!*» — дорогой друг. По рапортам генерал-губернаторов России в Министерство полиции и III отделение, на которые ссылается историк Владлен Сироткин в книге «Наполеон и Россия», на 1 января 1813 года в Российской империи насчитывалось больше 216 тысяч пленных — треть французской армии. 140–150 тысяч из них находились в лагерях. Остальные 50–60 тысяч растеклись по необъятной стране, то есть, по сути, превратились в «шеромыжников».

У каждого из этих бедолаг своя доля. Кто-то скоро ушел из жизни, кто-то стал крепостным («злодеи-казаки» наладились торговать качественным европейским товаром), офицеры превращались в дешевых гувернеров, учили дворянских чад «чему-нибудь и как-нибудь». Были и те, кто вовсе никуда не прибрлудился, так и перебивался милостыней. А некоторые — поадаптивнее — вполне могли выбрать нетривиальный путь выживания: «Он вступит в балаган. / Он обезьяну купит. Он — шарманщик». По-

следнее, безусловно, в контексте сказанного выше — не больше, чем допущение. Но... А вдруг?

Интересно, что напускной испуг автора «Моей родословной» в связи с намерением будущего итальянского родственника таковым не стать и отправиться в обратный путь на собственную родину отчасти коррелируется с невыдуманными поствоенными событиями. В апреле 1814 года вскоре после вступления нашей армии в Париж Александр I пообещал возвратить всех пленных. Великодушный жест победителя. В российской прессе появились объявления на французском, итальянском, немецком языках: желающие вернуться могут беспрепятственно это сделать. Первые две тысячи уже в конце лета отплыли из Риги в Гавр. Но чтобы сесть на корабль, недостаточно было испытывать ностальгию. Газетам чуть ли не век предстояло ждать, когда они станут «коллективным организатором»: будущий создатель «Искры» и ключевой игрок редакционной команды, внук шарманщика Александр Стопани еще не родился. Так что объявления в СМИ о репатриации не «организовали» масштабный отъезд. Да и какие газеты?! Даже «сарафанное радио» не донесло до иных захолустий, где затерялись служивые Наполеона, слухи о том, что у них есть шанс добраться домой. Это если говорить о тех, кто страдал на чужбине, грезил о родине. Однако среди невозвращенцев хватало и не хотевших уехать. У каждого из них личная история ассимиляции и впоследствии — принятия российского подданства. Кое-кому, наверное, после мытарств и скитаний невмоготу было снова срываться с места. А часть навсегда удержали в России матримониальные скрепы. Любовь, русские жены, дети...

С итальянским же предком Ахмадулиной утверждать можно одно: как минимум до 1835 года он оставался в России.

ГЛАВА 3.

МИТРОФАН. ЧАДА И ДОМОЧАДЦЫ

В 1835-м недалеко от Казани, города, где Запад и Восток, которые «никогда не сойдутся», кровно слились, ибо «нужны» были для появления Ахмадулиной, родился младенец — Митрофан Стопани. Потому ли, что имя его отца, возможно, было Джованни, в России обычно панибратски переименовываемое в Ваню, или так уж исстари заведено в сиротских домах, но отчество ребенку дали — Иванович. О том, что прадед Ахмадулиной рос в приюте, мы впервые узнали, побывав в гостях у Натальи Степановой — как и Белла, правнучки Митрофана. Наталья Борисовна дала нам два склеенных листа под общей шапкой: «Родословная Стопани». Рябь квадратиков и стрелочек — результат труда ее сестры Ольги. Схема родословной любительская, неполная, часть квадратиков пустая. На вершине — основатель рода, про него размыто: «Отец Митрофана, итальянец». Ну, эта лакуна не новость.

В противовес — о самом Митрофане — незнакомый нам факт: «воспитывался в сиротском доме». Вот как?! Отчего? Мать Беллы, которая, как оказалось, это знала, предпочитала простое объяснение: родители мальчика рано умерли. История сироты, вырвавшегося из бедности и унижений исключительно благодаря способностям и силе характера, хорошо вписывалась в поучительные стереотипы Надежды Макаровны. Впрочем, из Митрофана и в самом деле вырос ясный, достойный человек. Он был еще маленьким, когда в Казани на купеческие деньги открылся первый приют для бедных детей — Ни-

колаевский, в честь Николая I. Там ли воспитывался ребенок, в появившемся ли через год Александринском (уже в честь супруги Николая I — Александры Федоровны), неизвестно, однако известно, что оба приюта считались одними из лучших в России. О сиротах заботились, давали хорошее начальное образование, но, видимо, у Митрофана были иные амбиции и, соответственно, собственный путь. 8 июня 1859 года он «по окончаніи курса медицинскихъ наукъ в Императорскомъ Казанскомъ Университете утверждень въ званіи Лекаря».

Это дословная выдержка из «Послужного списка медика Управления Начальника местных войск Иркутской и Енисейской губерний Митрофана Стопани». «Послужной список» составлен по житейскому поводу: за выслугу лет в военно-медицинском ведомстве Стопани представлен к «прибавочному жалованью». Как мы благодарны этому будничному поводу! Не будь его, в РГВИА — Российском государственном военно-историческом архиве — не оказалось бы папки грязно-бежевого цвета с зеленым матерчатым корешком. Других документальных свидетельств о прадеде Ахмадулиной в архиве нет, а сброшюрованные в папку бумаги, заполненные 3 марта 1870 года, позволяют составить представление о его биографии до этого времени. Увы, не без прорех. В предыдущей главе мы коснулись того, что именно в РГВИА узнали, когда родился мальчик с итальянской фамилией Стопани и русским именем Митрофан. Однако о его отце в папке — ничего. Этот неуловимый чужеземец так и не разоблачился, остался верен своей манере темнить. В «Послужном списке» Митрофана Стопани в графе «Из какого звания происходит?» указано кратко: «Из иностранцев». В аналогичных делах сослуживцев записано: чей сын, из какой губернии, уезда... А тут — куцее (без имен матери и отца) свидетельство о происхождении.

Как пробивался Митрофан, через что прошел, можно догадываться. Отчетливость возникает с момента окончания университета. Это своего рода рубеж и точка невозврата в прошлое. Жизнь обретает иное качество. Двадцатичетырехлетний врач поступает на военную службу, едет в Забайкальское казачье войско и через полгода высочайшим приказом производится в титулярные советники. Чин незначительный, но речь о воспитаннике сиротского приюта, и для Митрофана это только начало. К тому же отныне Стопани — дворянин (пока без права передавать звание детям, право появится позже, но и детей еще нет), зато личное дворянство ахмадулинский предок заслужил самостоятельно, а не получил в придачу к женьтибе.

Ко времени составления «Послужного списка» Стопани уже четыре года надворный советник. Через три станет коллежским советником. «Ваше высокоблагородие». Митрофану Ивановичу обращение подходило не только из-за ранга. По воспоминаниям среднего сына — Александра, у отца, прикомандированного заведовать госпиталем солеваренного завода в таежном Усолье, «гиблом месте», где отбывали каторгу политические заключенные, была репутация редкостно совестливого, страдающего лекаря. Как бы потом ни шла вверх карьера, в каких бы почтенных сферах он ни вращался, неизменно бесплатно принимал в своем «господском» доме бедноту, и горничная не раз кидалась подтирать пол за каким-нибудь оборванным мужичонкой, чтобы барыня не рассердилась.

Женился Митрофан на Александре Лахтиной, дочери покойного коллежского асессора, казанской помещице. В селе Муратове Свияжского уезда она владела имением, где позже большая семья проводила летние месяцы. Но до этого еще предстояло дожить: привезти жену в глушь, в Сибирь, кочевать, как положено военному, с места на

место, похоронить двух первых детей и родить (иной раз подряд, с интервалом в год) еще семерых.

*А далее всё шло само собой:
сближались лица, упали руки,
и в сумерках губернии глухой
старели дети, подрастали внуки.*

В конце семидесятых годов разросшееся семейство вернулось в Казань. Позади у Стопани была русско-турецкая война. Вместе с прославленным Пироговым он вытаскивал с того света раненых, врачевал в лазаретах солдат. «Через пожалование» высоких российских орденов род Стопани указом Герольдии в 1881 году был внесен в третью часть родословной книги Казанской губернии. Кто мог подумать, что вытекающее из этого факта лестное право потомственного дворянства через десятилетия обернется уязвимостью во дворе номенклатурного Дома на набережной...

О том, что их в детстве дразнили дворняжками, Наталья Борисовна рассказала нам, показывая родословную. Рассказала со смехом — много воды с тех пор утекло, да и жизнь в целом неплохо сложилась. Конечно, типовая солнцевская девятиэтажка, где в небольшой квартире мы пили чай с вареньями по семейным рецептам, не дом в «Ударнике», но Наталья Борисовна не берет это в голову. Она на пенсии, разрывается между заботой о внуках и хлопотами в часовенке-памятнике героям Плевны в Ильинском сквере. В том Ильинском сквере, в котором гуляла жившая неподалеку Белочка Ахмадулина и о котором, став взрослой, столько писала. В девяностые годы патриарх Алексей II сделал Наталью Борисовну старостой часовни, масса обязанностей, устает. «Много раз собиралась уходить — не могу. Все гадала, что меня держит, не отпускает. И тут нечаянно узнаю, что мой прадед был участником сражений под Плевной! Орден Святого

Владимира 4-й степени получил. Никогда не думала, что так близко к нему подойду... Я сейчас жалею, что не проявляла особого интереса к прошлому. В 1996-м представилась возможность "отслужить" уже не прадеду — деду. Мария, младшая дочь Георгия Константиновича Жукова, когда исполнилось сто лет со дня его рождения, обратилась в Патриаршее подворье при нашей часовне с просьбой совершить панихиду по отцу. Мы с ней и владыкой Тихоном поехали на Красную площадь. Отслужили, идем, а с правой стороны от Мавзолея, недалеко от доски с именем Жукова, урна Александра Митрофановича Стопани. Я там редко бывала. Попросила владыку, чтобы он вознес молитву и по моему деду, которого я никогда не видела».

Еще одна ломаная линия... Александр был безбожником, и на этой почве, пока жил в родительском доме, вспыхивали споры. Не с отцом — тот был куда терпимей старшего сына Николая. С этим вечно возникали столкновения. В детстве из-за того, что привязывал за ногу к столу самую маленькую — Надю. Александр заступался, так в семье рождались конфронтации и коалиции. Ахмадулина с мягким юмором пишет: «Бабушка только с ним, до его смерти, держалась в родстве, восхищалась им, и мне казалось, что в ней навсегда задержалась нежная благодарность к нему за то, что не привязывал ее за ногу». Однако, несмотря на особую любовь к бабушке, честно отсвечивавшую на ее фаворита Сашу, симпатии Ахмадулиной, кажется, на стороне «своевольных и дерзких» других сыновей Митрофана Ивановича. На белой стороне: «Что с ними, бедными, любимыми мной, плохими, дальше случилось в этом мире, я не знаю». Ничего хорошего с ними не случилось, так как оба брата ставшего революционером Александра его идей не разделяли. Особенно старший. У них все чаще случались стычки, Николай сердито обвинял Сашу, активно создававшего в Казани марксист-

ские кружки, в эгоизме, в том, что не бережет семью, привлекает на нее неприятности.

Характер у Николая был нелегкий. В РГВИА мы отыскали под грифом «Секретно» материалы аттестации старшего офицера Николая Стопани за 1907 год. По примеру отца он стал военным. Как и младший — Иосиф. Оба учились в Симбирской военной гимназии, преобразованной затем в кадетский корпус, окончили Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. Начальники дают капитану Стопани неоднозначные характеристики. «Воли твердой, нервный и несдержанный, в среде товарищей симпатией не пользуется, служебным тактом не обладает», — пишет командир батареи. Командующий артиллерийской бригады добавляет: «Способностей хороших. Характера неуживчивого, тяжелого и несдержанного». Все отмечают слабость зрения. Это семейное. Будет передаваться из поколения в поколение: бабушке Беллы, ее матери, которой заключения окулистов мешали по службе, Ольге Степановой и, наконец, переставшей видеть Ахмадулиной. А про Николая Стопани, невзирая на его недостатки и на то, что он «здоровья очень слабого», в резюме указано: «Может принести пользу. К инициативе способен, в исключительном положении найдется». Сегодня, когда из разных источников мы знаем, что командир дивизиона тяжелой артиллерии подполковник Стопани погиб в Первую мировую войну и похоронен в 1916 году в Трапезунде, последняя фраза воспринимается трагически. А доживи он до Гражданской, пропал бы, скорее всего, в Белом движении. Ахмадулина, не ведая судьбы братьев Александра Митрофановича, пожалела их именно как унесенных революцией. Объяснила нам: «Остальные братья были, к счастью, других убеждений, но не они победили. Кто погиб в Белом движении, кто смог — уехал. Бабушка про них скрывала».

Скрывала Надежда Митрофановна про Иосифа. В семье его звали Осип, Оська. Юношей в домашних баталиях он всегда поддерживал Николая, вступал с ним в союз против Саши и Нади. Повзрослев и став офицером, в дни «походов против австро-германцев» обратился с рапортом к своему командиру: просил перевести в бригаду брата «для совместного с ним служения». Больше ста лет прошло, а листочек с высочайшим разрешением генерала от инфантерии лежит себе тихо в РГВИА, вложенный в папку Главного штаба Военного министерства. Вместе повоевали братья недолго. Николай скоро погиб, началась революция, Иосиф вступил в белую гвардию. Бежал от красноармейцев во Францию. Доходили слухи, что отплыл на корабле вместе с Врангелем.

Помимо Беллиной бабушки, о том, что Оська в Париже, наверняка знал еще кое-кто из родни. Возможно, и Нина, дочь Александра Митрофановича. Вот что рассказала нам Наталья Степанова: «У мамы в музее работал сотрудник, которого в начале пятидесятых отправили в командировку во Францию. Вернулся, заходит к маме в кабинет. Говорит, ехал в такси, шофер оказался русским, из белоэмигрантов. Расспрашивал о жизни в СССР. Назвал свое имя: Иосиф Стопани. Представляете! Заездом очутиться в Париже, и чтоб так пересеклось. Когда за обедом дома мама сообщила об этом, то выглядела смущенной. Я поняла: она не поддержала разговор, тему не развивала, не призналась, что шофер может быть ее дядей».

Время идет, и дочери Нины Александровны без опаски упоминают о родственнике за границей. Ольга Борисовна вписала его имя в квадратик. Стрелка вниз — Юра, сын Иосифа. Как-то узнала о его существовании. В алфавитном списке русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа нам встретилась фамилия Стопани. Georges. Кто этот человек? Юрий? Georges — француз-

ский аналог имени. В разгар раскаленного парижского лета часа три ходили по кладбищу среди знаменитых и не-знаменитых могил, воинских погребений: подразделений генералов Дроздовского и Алексеева, кадетского корпуса, «галлиполийцев»... Однако могилу «Стопани Georges, †1989» отыскать не смогли.

Но она хотя бы есть. Должна быть, судя по списку. А в какую кромешную общую яму кинули расстрелянного НКВД Владимира Стопани, сына Николая, неведомо. Георгий Владимирович, уже упоминавшийся троюродный брат Ахмадулиной, запомнил отца счастливым красным командиром. Он учил артиллерии на специальных курсах будущего маршала Буденного, после смерти Кирова в декабре 1934 года Стопани доверили готовить оружейный лафет для перевозки убитого. Но прозвучало: «Ату!», и бывших царских офицеров стали уничтожать. Владимир, как и отец, служил в царской армии. Солдаты избрали его командиром артиллерийской бригады, когда после революции перешел на сторону красных. В перестройку Георгий читал в КГБ дело отца, и теперь дома хранится его снимок незадолго до расстрела в 1938-м. Какие слова есть в русском языке, чтобы передать физический ужас от этой и подобных ей тысяч фотографий?! Особенно если рядом вдова Георгия положила на стол фото белокурого мальчика в сапожках и нарядной кружевной блузе с жабо. «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства» Володи Стопани. В доме много старых фотографий. Вот дородная дама в мехах — жена Николая Антонина Стопани, столбовая дворянка. Андрей Николаевич Яблонский, отец жены Владимира, генерал — в парадной форме и с усами торчком. Дама с веером — его супруга Вера Вениаминовна, мать восьмерых детей. А вот и они с татап и рара: младшие на коленях родителей, старшие — гимназист и гимназистки в праздничных передниках. Полные

скромного достоинства и незнания своей грядущей судьбы. Гимназист станет белым офицером, в Гражданскую он жестоко казнен... Снимки напомнили короткий рассказ Ахмадулиной с длинным названием «Посвящение дамам и господам, запечатленным фотографом летом 1913 года в Н-ской губернии великой Российской империи». Ахмадулину притягивали старые фотографии: «Еще не вечер, более года остается им до сараевского убийства и последующих событий. Я желаю им счастливого пиршества, драгоценных великих пустяков, из коих состоит выпуклая, живая, как бы бессмертная жизнь на снимках. Пусть здравствуют и благоденствуют, пока возможно. Безмолвно добавляю: Вечная память».

Среди фотографий есть и три выгоревших портрета. Три брата Стопани — сыновья Митрофана. Лысеющий Николай снят в Тифлисе в «Придворной фотографии Мищенко», рука на эфесе сабли. Вид бравый, а глаза немного беспомощные: вероятно, из-за того, что перед магниевой вспышкой снял очки или слегка грустит — из Грузии едет прямо на фронт. Иосиф тоже в военной форме, молодой — снимок сделан 1 июня 1904 года. Эта дата стоит под надписью: «Брату Коле от брата Оси. Ст. Сызрань. 4 часа ночи». Куда едет, почему не спится? И ведь не знает, что через одиннадцать лет будет воевать рядом с «братом Колей», потеряет его и в начавшейся мясорубке еле успеет на отплывающий корабль. Пожалуй, из троих только Александр — «строитель своего будущего». Хотя это тоже вопрос. Как сказала его внучка: «Пришли-то другие...» Но на фотографии у красивого худощавого юноши в двубортной студенческой тужурке — светлое, одухотворенное лицо. И в страшном сне пока не предполагает, что выбранная им справедливая дорога ведет к катастрофе семьи, что уже ощутимые тектонические сдвиги закончатся непоправимым разломом.